

Масленников Эрнест Александрович**Maslennikov Ernest Aleksandrovich**

магистр юриспруденции
Ярославского государственного университета
имени П.Г. Демидова

Master of Law,
Yaroslavl State University

**ВОЗРАЖЕНИЯ НОВОГО ДОЛЖНИКА
ПРИ ПЕРЕВОДЕ ДОЛГА:
ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ****NEW DEBTOR'S OBJECTIONS
DUE TO DEBT TRANSFER:
THEORY AND PRACTICE****Аннотация:**

В статье исследуются теоретические и практические вопросы, которые связаны с защитой нового должника при переводе долга. Рассматриваются различные подходы к определению понятия «возражение», его соотношение с термином «претензия», определяются виды возражений, раскрывается проблема императивности ст. 392 ГК РФ. Предлагается внести изменения в гражданское законодательство, а именно прямо предусмотреть дополнительную обязанность прежнего должника по передаче документов и сообщению сведений, которые могут быть использованы приемателем долга при осуществлении новым должником возражений, направленных против требования кредитора. Анализируются нововведения российского гражданского законодательства и новые подходы руководящей судебной практики. Приведены дополнительные аргументы, обосновывающие введение прямого запрета приемателю долга осуществлять зачет встречного требования, которым обладает прежний должник. Предлагается дифференциация принадлежащих приемателю долга возражений, которая имеет практическое значение в связи с тем, что одни возражения суд должен учитывать по долгу службы, а другие – исключительно по заявлению стороны в споре. Автором отстаивается подход, согласно которому ограничение возможности противопоставления новым должником возражений против требования кредитора на основании договора не допускается, поскольку не обеспечивает защиту правового положения нового должника.

Ключевые слова:

перевод долга, возражения нового должника, претензия, право на зачет, реформа гражданского законодательства.

Summary:

The study discusses the theoretical and practical issues of protecting a new debtor in a case of debt transfer. The paper analyzes various approaches to defining an objection and its relationship with the term 'claim', types of objections, reveals the problem of the mandatory nature of Article 392 of the Civil Code of the Russian Federation. It is proposed to add to civil law an additional obligation for a former debtor to transfer documents and report information that can be used by a new debtor in order to accomplish objections against a creditor's claim. Novels of the civil legislation and new approaches of supervisory judicial practice are analyzed. The author argues for the validity of imposing an explicit prohibition on a new debtor to set-off a counterclaim that belongs to a former debtor. The differentiation of objections that belong to a new debtor is proposed because of its practical importance due to the fact that several objections must be considered by the court ex officio while others should be exclusively reviewed on the basis of the application of a litigant. The author substantiates an approach that focuses on the protection of a new debtor's legal status, denying the possibility of limiting his objections against creditor's right to claim, which is based on an agreement.

Keywords:

debt transfer, new debtor's objections, claim, right to set-off, reform of civil legislation.

Защита нового должника (далее по тексту также – приематель долга, другое лицо) обеспечивается в российском законодательстве предписаниями, содержащимися в ст. 392 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) [1]. Они управомочивают приемателя долга выдвигать возражения против реализации кредитором субъективного права (требования). Иными словами, новый должник может противопоставить кредитору возражения, основания возникновения которых следуют из отношений прежних сторон в обязательстве, т. е. до момента действия договора перевода долга. Данные возражения также именуется возражениями из личности прежнего должника. По меткому высказыванию В.А. Белова, запрет ссылаться на возражения из личности должника установить невозможно, не «убив» при этом саму конструкцию перевода долга, который есть не что иное, как один из частных случаев отношений преемства [2].

Выбранная тема исследования приобретает особую актуальность в связи с отсутствием в доктрине гражданского права единства мнений и недостаточной разработкой в теории некоторых вопросов, связанных с защитой приемателя долга. Помимо этого, исследование проблем защиты нового должника при переводе долга актуализируется в связи с проведением масштабной реформы гл. 24 ГК РФ и принятием Пленумом Верховного суда РФ (далее – ВС РФ) Постановления от 21 декабря 2017 г. № 54 «О некоторых вопросах применения положений главы 24 ГК РФ

о перемене лиц в обязательстве на основании сделки» (далее – постановление № 54) [3]. Представляется, что указанные нововведения нуждаются в критической оценке.

Так, в результате проведенной реформы с 1 июля 2014 г. в ст. 392 ГК РФ было введено уточнение, что приниматель долга не вправе производить зачет права требования, которым обладает прежний должник и которое является встречным по отношению к требованию кредитора. В отличие от данной ситуации должник в результате совершения сделки по уступке в силу ст. 412 ГК РФ может предъявить к зачету против требования нового кредитора (цессионария) свое требование к прежнему (первоначальному) кредитору (цеденту). Вместе с тем приведенной новеллой не установлен запрет на зачет против требования кредитора принадлежащего самому принимающему долга встречного однородного требования при наличии предпосылок, установленных ст. 410, 411 ГК РФ.

Введение данного уточнения в ст. 392 ГК РФ не было оговорено в Концепции развития гражданского законодательства 2009 г. [4], однако в юридической литературе оно обосновывается тем, что приниматель долга не может распоряжаться требованием, правообладателем которого является прежний должник, в том числе посредством прекращения обязательства зачетом на основании ст. 412 ГК РФ, так как оно ему не принадлежит [5].

Представляется, что введение данной новеллы можно обосновать также следующими доводами. Во-первых, договор перевода долга, будучи распорядительной сделкой (распоряжением), направлен на изменение субъективного права (требования), а его действие состоит в изменении направленности требования с одного обязанного лица на другое. Изменение права, по утверждению немецкого цивилиста Л. Эннеккеруса, заключается в том числе в перемене обязанного лица [6, S. 75]. Это приводит к обоснованию преемства в долге. При этом такое распоряжение, как правило, соответствует воле и интересам принимающего долга, так как без его волеизъявления сделку по переводу долга совершить невозможно (п. 1 ст. 391 ГК РФ). Наоборот, в случае перемены кредитора должник обычно не участвует в заключении договора цессии, поэтому закон гарантирует ему сохранение его правового положения, невозможность его ухудшения, что проявляется, в частности, в сохранении права на зачет требования к цеденту, которое уже утратило характер встречности (ст. 412 ГК РФ).

Вместе с тем зачет по ст. 412 ГК РФ привел бы к погашению права, принадлежащего прежнему должнику, и корреспондирующей ему обязанности. Это противоречит не только запрету на произвольное вторжение в чужую имущественную сферу (п. 1, 2 ст. 1, п. 1 ст. 9 ГК РФ), но и правовой природе перевода долга. Поскольку субъект может распоряжаться только принадлежащим ему правом, то допущение права нового должника на зачет требования прежнего должника приведет нас к выводу, что обладателем требования стал новый должник. Это возможно только, если по договору передается комплекс прав и обязанностей, иными словами, если имеет место передача договора (ст. 392.3 ГК РФ). Однако в силу договора перевода долга изменяется исключительно субъект юридической обязанности (должник), а иной подход приведет к смешению договорных конструкций уступки требования и перевода долга. Именно поэтому мы не можем согласиться с позицией ряда ученых о том, что статья 412 ГК РФ «предполагает состоявшийся одновременно с уступкой требования перевод долга: на место старых кредиторов и должников становятся новые» [7].

Кроме того, следует согласиться с мнением В.А. Белова, что со стороны принимающего долга, который оказался в чужом обязательстве по своей воле, было бы весьма странным ухудшать положение кредитора, которое он сам же и улучшил [8]. Наоборот, в данной ситуации принимающий долг сам же улучшает положение кредитора, поскольку снимает с него риск прекращения зачетом требования по инициативе должника (ст. 410 ГК РФ). Однако мы не можем согласиться с точкой зрения автора, что уточнение ст. 392 ГК РФ было излишним [9]. Напротив, мы солидарны с позицией М.М. Агаркова, который говорил о желательности прямого закрепления ответа на поставленный вопрос еще в прежнем, советском гражданском законодательстве [10, с. 241].

Под возражениями в ст. 392 ГК РФ понимаются, во-первых, возражения в техническом смысле (например, заявление ответчиком в суде об истечении исковой давности – п. 2 ст. 199 ГК РФ, право на приостановление исполнения обязательства по основаниям, предусмотренным п. 2 ст. 328 ГК РФ); во-вторых, возражения, которые препятствуют возникновению или существованию права требования, на которые может ссылаться принимающий долг (например, ничтожность сделки, которая должна была стать юридическим основанием права требования и корреспондирующего ему переведенного долга, или прекращение этого требования исполнением или по иным предусмотренным законом основаниям, в частности зачетом) [11, с. 59]. К сожалению, точное разграничение этих двух видов возражений в юридической литературе не приводится, однако эта классификация имеет большое практическое значение, в частности, для решения вопроса, требуется ли заявление принимающего долга о соответствующих обстоятельствах, чтобы кредитору было отказано в иске. Возражение в техническом смысле представляет собой встречное

право приемателя долга против требования кредитора. Поэтому суд может отказать в иске только в том случае, если оно будет осуществлено управомоченным лицом. Суд не вправе сделать это, ссылаясь на одно лишь выполнение фактического состава возражения. Например, при возражении о неисполнении встречного обязательства необходимо, чтобы должник заявил о приостановлении исполнения своего обязательства. При противоположном подходе суд наделялся бы не свойственными ему полномочиями по осуществлению возражения (права) помимо воли управомоченного лица и безотносительно к его усмотрению, что противоречит п. 1, 2 ст. 1, п. 1 ст. 9 ГК РФ.

Напротив, правопрепятствующие и правопрекращающие факты суд обязан учитывать независимо от того, ссылается ли приематель долга на эти обстоятельства. Например, ничтожность сделки, долг по которой был переведен, означает, что имел место перевод долга, который не был возложен на обязанное в силу обязательства лицо, который в действительности не существовал. Значит, договор по переводу долга необходимо квалифицировать как ничтожную сделку, поскольку он не соответствует норме п. 1 ст. 391 ГК РФ. Это в свою очередь означает, что ничтожность сделки, из которой проистекает долг, суд должен учитывать по долгу службы (*ex officio*). В связи с этим следует особо отметить, что введенное с 1 сентября 2013 г. правило о том, что суд вправе применять последствия недействительности ничтожной сделки по собственной инициативе, если последнее необходимо для защиты публичных интересов (п. 4 ст. 167 ГК РФ), ничего не изменило по существу дела.

Во-первых, по смыслу п. 75 Постановления Пленума ВС РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой ГК РФ» [12] сделка, совершенная в нарушение запрета, который явно выражен законодательным установлением, является ничтожной, так как посягает на публичный интерес. Во-вторых, констатацию ничтожности юридической сделки юрисдикционным органом (судом) нельзя рассматривать как применение последствий недействительной (ничтожной) сделки. По справедливому утверждению Д.О. Тузова, это судебное действие представляет собой всего лишь необходимую юридическую квалификацию обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения гражданского дела [13].

Несмотря на приведенное значение возражений в правоприменительной практике, механизм доведения содержания возражения до сведения приемателя долга является несовершенным. В юридической литературе верно указывается, что приематель долга может получить сведения о причитающихся ему возражениях главным образом от прежнего должника или посредством передачи документов, удостоверяющих переводимый долг, сообщения иных сведений [14, с. 22]. Однако соответствующая обязанность по действующему гражданскому законодательству до сих пор не возложена ни на прежнего должника, ни на кредитора, что является очевидным пробелом в действующей правовой регламентации перевода долга. Помимо этого, в случае перевода части долга вопрос принадлежности документов осложняется тем, что оба должника заинтересованы в их обладании.

Поэтому мы предлагаем в ст. 392 ГК РФ по аналогии с предписанием п. 3 ст. 392 ГК РФ закрепить обязанность прежнего должника по передаче приемателю долга документов и сведений, которые в свою очередь могут подтвердить или опровергнуть обоснованность требований и претензий кредитора, т. е. реализовать причитающиеся приемателю долга в силу ст. 392 ГК РФ возражения. Кроме того, если у первоначального должника существует интерес в оставлении указанных документов за собой, то приемателя долга следует наделить правом требования передачи надлежащим образом удостоверенных копий таких документов или передачи оригиналов документов во временное пользование.

Следует отметить, что иногда содержание понятия «возражение», используемое в гл. 24 ГК РФ, определяется не совсем корректно. В частности, по мнению М.В. Кротова, норма ст. 386 ГК РФ управомочивает должника заявить все претензии, которые он имел к cedentu [15, с. 630]. Однако, комментируя предписание ст. 392 ГК РФ, автор уже ведет речь о возражениях, которые принадлежали прежнему должнику к кредитору, возникли из сложившихся между сторонами отношений [16, с. 632]. Иными словами, в случае цессии должник сохраняет за собой претензии, а при переводе долга приематель долга – возражения. Обосновано ли подобное различие или стоит под возражениями в контексте ст. 392 ГК РФ понимать претензии по ст. 386 ГК РФ, как предлагает М.В. Кротов? По нашему мнению, согласиться с его позицией не представляется возможным, поскольку возражение и претензия – это разные юридические понятия. В частности, можно провести их различие по юридическим последствиям заявления. Так, возражения служат основанием для отказа в исполнении новым должником обязательства, долг по которому был переведен в силу сделки по переводу долга. Претензии представляют собой действия по заявлению притязаний приемателя долга против кредитора.

Только из факта заключения договора перевода долга нельзя сделать вывод, что вместо прежнего должника управомоченным лицом по таким притязаниям стал приематель долга. К примеру, при переводе долга по обязательству об уплате покупной денежной суммы за проданный и

переданный товар нет никаких оснований для заявления принимаателем долга кредитором претензии о безвозмездном устранении недостатков в разумный срок (абз. 3 п. 1 ст. 475 ГК РФ) или замене товара ненадлежащего качества товаром, соответствующим договору (абз. 3 п. 2 ст. 475 ГК РФ). Аналогичный вывод можно наблюдать в руководящей судебной практике. Так, в мотивировочной части постановления по делу, рассмотренному судом кассационной инстанции и положенному в основу п. 7 Обзора практики применения арбитражными судами положений гл. 24 ГК РФ [17], верно отмечено, что заказчик может заявить требование устранить выявленные недостатки в результате работ только подрядчику, даже если последний уступил требование оплаты выполненных работ. Такая уступка не может привести к переводу на цессионария обязанностей, так как последние продолжают оставаться у цедента как стороны договора подряда. Цедент остается обязанным лицом в правоотношении по устранению выявленных недостатков выполненных работ, потому что сделка по переводу долга, необходимая для замены должника, не совершалась.

На наш взгляд, данный вывод руководящей судебной практики следует толковать расширительно, распространяя на ситуацию, когда скрытые недостатки товара были обнаружены после перевода долга по обязательству уплаты покупной цены. В данном случае управомоченным лицом по заявлению претензий остается прежний должник, а принимающий долг не имеет права предъявлять подобные претензии за него, поскольку стороны не совершали сделку по уступке требования. И наоборот, по претензиям кредитора к прежнему должнику принимающий долг не становится обязанным лицом. Подобный подход также можно проследить в судебной практике. Например, в одном из дел ОАО (принимающий долг) обратилось в арбитражный суд с требованием к ООО (прежний должник, подрядчик) об уменьшении цены выполненных работ ввиду ненадлежащего качества соразмерно затратам, необходимым для устранения недостатков выполненных работ. Решением суда, оставленным без изменения постановлением апелляционной инстанции, в иске отказано. Суд кассационной инстанции также посчитал, что требование ОАО не основано на договоре подряда. Статья 392 ГК РФ не содержит положения о том, что новый должник имеет право заявлять самостоятельный иск, основанный на причитающихся ему возражениях. ОАО могло выдвигать свои возражения в ходе заявленных к нему требований [18]. Именно поэтому необходимо строго разграничивать понятия возражений и претензий.

Отдельного рассмотрения требует вопрос, является ли предусмотренное ст. 392 ГК РФ правило императивным или диспозитивным. Одни авторы определяют данную норму как императивную [19, с. 162]. По мнению других, из телеологического толкования приведенной нормы следует, что она может быть изменена по соглашению, заключенному между прежним должником, новым должником и кредитором. Другими словами, предписание ст. 392 ГК РФ является диспозитивным, но может быть изменено трехсторонним договором перевода долга [20, с. 626]. Они считают, что явных причин для ограничения принципа свободы договора (п. 1 ст. 1, ст. 421 ГК РФ) в данном случае не имеется [21]. При таком подходе можно прийти к выводу, что в силу сделки по переводу долга, совершенной кредитором, прежним должником и принимающим долг, можно установить, что принимающий долг может не только лишиться возможности ссылаться на обстоятельства, составляющие материальное содержание причитающихся прежнему должнику возражений, но и приобрести право на зачет встречных однородных требований, правообладателем которых является прежний должник.

Мы не можем согласиться с подобным толкованием закона. Авторы приведенного комментария упускают из виду, что сделка по переводу долга не является трехсторонним (многосторонним) договором. Многосторонний договор – это сделка между тремя и более сторонами, направленность волеизъявлений которых совпадает [22]. В договоре перевода долга наличествуют только два волеизъявления прежнего должника и принимающего долга, направленность которых совпадает, однако согласие кредитора в данный договор не входит, а является внешней по отношению к данной сделке предпосылкой ее действия. Поэтому апеллирование авторов к трехстороннему характеру договора и обоснование таким образом возможности как отмены действия охранительного предписания в пользу принимающего долга, так и необоснованного расширения такой защиты за счет не принадлежащего принимающему долга требования прежнего должника к кредитору по сути ничего не доказывает. Мы полагаем, что и лишение нового должника юридической защиты против кредитора, и расширение правовых гарантий за счет имущества прежнего должника являются недопустимыми.

Помимо этого, указывается, что если договор перевода долга противоречит норме ст. 392 ГК РФ, но не в ущерб интересам прежнего должника, то такое условие в силу принципа свободы договора должно быть признано допустимым [23]. Примером может служить условие о том, что принимающий долг запрещается ссылаться на возможность приостановления встречного исполнения при наличии неисполнения обязательства, в котором кредитор сам является должником прежнего, выбывшего из обязательства лица. Полагаем, что в случае отказа принимающего

долга от возражений, которые предоставляет ему ст. 392 ГК РФ, может иметь место ухудшение его положения в обязательстве по сравнению с прежним должником, что не отвечает исходному положению цивилистической теории, что долг переходит в том состоянии, на тех условиях и в том объеме, который имел место на момент его перехода. Поэтому считаем, что ограничение возможности заявления возражений приемателем долга возможно только в случаях, предусмотренных федеральным законом.

Следует отметить, что, по мнению А.А. Павлова, ВС РФ в постановлении № 54 не дал соответствующих разъяснений о возможности или невозможности блокирования перехода к приемателю долга возражений прежнего должника, т. е. отказ приемателя от возражений не признается противоречащим закону [24]. Вместе с тем ранее ВС РФ высказал следующую правовую позицию. Право нового должника, гарантированное ст. 392 ГК РФ, возражать против реализации кредитором требования означает, что его положение не может быть ухудшено по сравнению с прежним должником, поскольку само обязательство остается неизменным [25]. Что же касается права на зачет на основании ст. 412 ГК РФ, то российский законодатель ясно выразил свою отрицательную позицию применительно к зачету требования, не принадлежащего приемателю долга. Следовательно, посредством научного толкования, анализа норм ГК РФ и учета позиций руководящей судебной практики подтверждается императивный характер ст. 392 ГК РФ, поэтому действие приведенной нормы не может быть изменено или отменено в договорном порядке.

Таким образом, на основе проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

1. Основным средством защиты нового должника при переводе долга являются причитающиеся ему возражения из личности прежнего должника, состав и содержание которых определяется исходя из отношений между кредитором и прежним должником.

2. Приематель долга не вправе и никогда не был вправе зачесть требование прежнего должника к кредитору. Допущение подобного зачета необоснованно, поскольку противоречит действующему гражданскому законодательству и практике его применения, не учитывает правовую природу и действие договора перевода долга, характер участия приемателя долга в отношениях по перемене лица в обязательстве, а также создает для него возможность неосновательного обогащения.

3. Возражения из личности прежнего должника можно классифицировать на две большие группы в зависимости от того, требуется ли заявление приемателя долга о соответствующих обстоятельствах для того, чтобы суд отказал в удовлетворении иска кредитора.

4. Предлагается закрепить в ст. 392 ГК РФ норму, обязывающую прежнего должника сообщить сведения и передать документы, которые необходимы для реализации приемателем долга причитающихся ему возражений. Однако из данного правила необходимо предусмотреть исключение, если прежний должник сохраняет интерес в обладании данными документами.

5. Норма ст. 392 ГК РФ является императивной, поскольку ограничение и изменение ее действия посредством договорного регулирования могут как уменьшить правовую защищенность приемателя долга, так и подвергнуть сомнению принципиальную неизменность правового положения субъекта правоотношения при совершении сделок по перемене лиц в обязательстве.

Ссылки:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301 (с изм. и доп.).
2. Белов В.А. Сингулярное правопреемство в обязательстве. М., 2007. 266 с. Подгот. для справ.-правовой системы «Гарант».
3. О некоторых вопросах применения положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки : постановление Пленума Верховного суда РФ от 21 дек. 2017 г. № 54 // Бюллетень Верховного суда РФ. 2018. № 3.
4. Концепция развития гражданского законодательства : одобр. Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 7 окт. 2009 г. // Вестник Высшего арбитражного суда РФ. 2009. № 11.
5. Комментарий к постановлению Пленума ВС РФ от 21.12.2017 № 54 «О некоторых вопросах применения положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки» / В.В. Байбак, А.В. Ильин, А.Г. Карапетов, А.А. Павлов, С.В. Сарбаш // Вестник экономического правосудия РФ. 2018. № 2. С. 36–92 ; № 3. С. 80–137.
6. Enneccherus L. Lehrbuch des bürgerlichen Rechts. Marburg, 1931. Bd. 1. 700 S.
7. Ершов В.А., Сутягин А.В., Кайль А.Н. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. 2009. Подгот. для справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Белов В.А. Изменения и дополнения положений Гражданского кодекса РФ о перемене лиц в обязательстве (общий обзор и комментарий) [Электронный ресурс] // Закон. 2014. № 9. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Там же.
10. Агарков М.М. Перевод долга (ст. 126 и 127 Гражданского кодекса РСФСР) // Агарков М.М. Избранные труды по гражданскому праву / отв. ред. В.С. Ем. М., 2012. Т. 1. С. 230–245.
11. Павлов А.А. Перевод долга // Очерки по торговому праву : сб. науч. тр. / под ред. Е.А. Крашенинникова. Ярославль, 2007. Вып. 14. С. 51–62.

12. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 // Бюллетень Верховного суда РФ. 2015. № 8.
13. Тузов Д.О. Lex «quasi» perfecta? О новой редакции ст. 168 Гражданского кодекса РФ и фундаментальных цивилистических понятиях [Электронный ресурс] // Закон. 2015. № 9. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
14. Рыжковская Е.А. Сделки как основания перемены лиц в обязательстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005. 23 с.
15. Гражданское право : учебник / под ред. А.П. Сергеева и Ю.К. Толстого. 6-е изд. М., 2008. Т. 1. 784 с.
16. Там же. С. 632.
17. Обзор практики применения арбитражными судами положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации : утв. информ. письмом Президиума Высшего арбитражного суда РФ от 30 окт. 2007 г. № 120 // Вестник Высшего арбитражного суда РФ. 2008. № 1.
18. Постановление Федерального арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 26 сент. 2005 г. № Ф04-5788/2005 (14554-А45-24) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
19. Громов С.А. Материально-правовые возражения должника против требования кредитора // Практика применения общих положений об обязательствах / отв. ред. М.А. Рожкова. М., 2011. С. 133–173.
20. Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. М., 2017. 1120 с.
21. Карапетов А.Г., Бевзенко Р.С. Комментарий к нормам ГК об отдельных видах договоров в контексте постановления Пленума ВАС РФ «О свободе договора и ее пределах» // Вестник Высшего арбитражного суда РФ. 2014. № 8. С. 4–97 ; № 9. С. 6–106.
22. Комментарий к постановлению Пленума ВС РФ ...
23. Карапетов А.Г., Бевзенко Р.С. Указ. соч.
24. Комментарий к постановлению Пленума ВС РФ ...
25. Обзор практики разрешения судами споров, возникающих в связи с участием граждан в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости : утв. Президиумом Верховного суда РФ 4 дек. 2013 г. // Бюллетень Верховного суда РФ. 2014. № 3.

References:

- Agarkov, MM & Em, VS (ed.) 2012, 'Transfer of debt (Articles 126 and 127 of the Civil Code of the RSFSR)', *Izbrannyye trudy po grazhdanskomu pravu*, Moscow, vol. 1, pp. 230-245, (in Russian).
- Baibak, VV, Ilyin, AV, Karapetov, AG, Pavlov, AA & Sarbash, SV 2018, 'Commentary to the Ruling of the Plenum of the Armed Forces of the Russian Federation No. 54 as of December 21, 2017 "On Certain Issues of Applying the Provisions of Chapter 24 of the Civil Code of the Russian Federation on the Change of Persons in an Obligation Under a Transaction"', *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya RF*, no. 2, pp. 36-92, no. 3, pp. 80-137, (in Russian).
- Belov, VA 2007, *Singular succession in the obligation*, Moscow, 266 p., (in Russian).
- Belov, VA 2014, 'Amendments and supplements to the provisions of the Civil Code of the Russian Federation on the change of persons in an obligation (overview and comment)', *Zakon*, no. 9, (in Russian).
- Enneccerus, L 1931, *Lehrbuch des bürgerlichen Rechts*, Marburg, Bd. 1, 700 S., (in German).
- Ershov, VA, Sutyagin, AV & Kail, AN 2009, *An article-by-article commentary to the Civil Code of the Russian Federation*, (in Russian).
- Gromov, SA & Rozhkova, MA (ed.) 2011, 'Substantive objections of the debtor against the creditor's claim', *Praktika primeneniya obshchikh polozheniy ob obyazatel'stvakh*, Moscow, pp. 133-173, (in Russian).
- Karapetov, AG (ed.) 2017, *Contractual and Obligations (General Part): an article-by-article commentary on articles 307-453 of the Civil Code of the Russian Federation*, Moscow, 1120 p., (in Russian).
- Karapetov, AG & Bevzenko, RS 2014, 'Commentary to the standards of the Civil Code on certain types of contracts in the context of the Ruling of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation "On Freedom of Contract and its Limits"', *Vestnik Vysshego arbitrazhnogo suda RF*, no. 8, pp. 4-97, no. 9, pp. 6-106, (in Russian).
- Pavlov, AA & Krashennikov, EA (ed.) 2007, 'Transfer of debt', *Ocherki po trgovomu pravu: sb. nauch. tr.*, Yaroslavl, iss. 14, pp. 51-62, (in Russian).
- Ryzhkovskaya, EA 2005, *Transactions as the basis for the change of persons in the obligation*, PhD thesis abstract, Yekaterinburg, 23 p., (in Russian).
- Sergeev, AP & Tolstoy, YuK (ed.) 2008, *Civil law*, textbook, 6th ed., Moscow, vol. 1, 784 p., (in Russian).
- 'The Civil Code of the Russian Federation (Part One) as of November 30, 1994 No. 51-ФЗ (as amended and supplemented)' 1994, *Sobraniye zakonodatel'stva RF*, no. 32, art. 3301, (in Russian).
- Tuzov, DO 2015, 'Lex «quasi» perfecta? On the amended version of Article 168 of the Civil Code of the Russian Federation and fundamental civil concepts', *Zakon*, no. 9, (in Russian).